

11. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. М. : Книга: Принт-шоп, 1989.

12. Толстая С.М. Обмирание // Славянская мифология: энцикл. словарь. М. : Эллис Лак, 1995.

Phrase combinations with the key component 'light / other world' (on the material of Russian folklore texts)

Based on the material of Russian phrase combinations there is analyzed the nomination light / other world, where both pagan and Christian motives are reflected.

Key words: *conceptual analysis, paganism, Christianity, this world, other world, lamentations, paradise, hell.*

Н.И. КОБЫЗЕВА
(Волгоград)

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ДОНСКИХ ГОВОРАХ

Анализируется характеристика умственных способностей человека, отраженная в устойчивых сравнениях в донском казачьем диалекте.

Ключевые слова: *устойчивые сравнения, фразеологические единицы, языковая картина мира, умственные способности, донской казачий диалект.*

К.Д. Ушинский, подчеркивая одухотворенность русского языка, писал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка... Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства, мы наследуем самые эти мысли и эти чувства» [9, с. 260].

Язык – инструмент познания мира, хранилище индивидуального опыта, восприятия и оценки окружающей действительности. Именно в языке (хотя и не только в нем) находят выражение национальный характер, история и культура народа [6, с. 5]. При исследовании языковой картины мира устойчивые сравнения являются богатейшим материалом, т.к. в них закреплены стереотипы мышления народа, ценности и антиценности, характерные для определенной культурной общности. Так же, как фразеология языка является средством сохранения и передачи опыта познания мира, устойчивые сравнения представляют собой генерализованные высказывания или стереотипы, которые, по словам Ю.Н. Караулова, позволяют выявить «иерархию смыслов и ценностей в <...> картине мира, в <...> тезаурусе» [4, с. 71].

Термин *языковая картина мира* является метафорой, т.к. «в действительности специфические особенности национального языка создают для его носителей не какую-то неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [10, с. 66]. Сама метафора *языковая картина мира*, по мнению В.Н. Телия, говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску. Последняя входит в их содержание в форме различного рода коннотаций, указывающих на языковой источник формирования гносеологического образа, «привязываемая» его тем самым к данному языку [8, с. 179]. Под языковой картиной мира мы понимаем образную модель мира, в которой человек осознает себя частью реальной действительности и все окружающее воспринимает как отражение своего существования.

Познавая окружающую действительность, человек подвергает ее оценке и квалификации в зависимости от собственных предпочтений и предпочтений того языкового коллектива, к которому принадлежит. Отдельные предметы и явления приобретают определенную зна-

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

чимось в жизнедеятельности, ценностное содержание в сознании индивида. Свообразие мировосприятия и миропонимания казаков, их духовная культура отражаются в семантике устойчивых традиционных сравнений. Большинство исследователей относят устойчивые сравнения к фразеологии. Объект сравнения чаще всего вводится с помощью сравнительного союза *как* (или его синонимов *будто*, *как будто*, *словно*, *точно*). В донском казачьем диалекте эти формы весьма разнообразны: от простой метафоры или обычного сравнения с каким-либо предметом (*как шабалок*, *как чучмек*, *как чучкарь*) до сложных многоаспектных ассоциаций с предметами и их признаками, действиями, событиями, развернутыми сюжетами (*как с креста снятый*, *как конфетка с бахромой*).

Характеристика лица занимает важное место в системе языка, поскольку человек представляет собой одну из центральных систем объективной действительности. Человек всегда был в центре номинации, представляя собой объект исследования, при этом являясь активным участником познавательной деятельности. Природа значения устойчивых единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя диалекта, практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями. Устойчивые словесные комплексы приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию, оценивают ее, выражают отношение к ней. Такие устойчивые сравнения формируются на основе антропоцентрического понимания мира.

Обрами представителей мира животных и растений, артефактов обозначаются поведение, характер, социальные особенности, нравственные, физические, интеллектуальные качества человека. Концептуальная метафора *человек – природа* является частью механизма презентации качественной характеристики лица в ментальном пространстве языковых коллективов.

Человек в донском казачьем говоре по разным признакам сравнивается с животными (лисой, сусликом, быком): *лиса лисой* ‘о хитром, изворотливом человеке’, *как бычок на веревочке* ‘о робком, несмелом человеке’; птицами (сорокой, курицей, стрепетом, гусем, вороной, воробьем): *летать как стрепет* ‘о человеке, который быстро двигается’, *вольный сокол* ‘о свободном, независимом человеке’; рыбами (ершом, сомом, линем, окунем, щукой): *как щучка съела* ‘о человеке, который быстро исчез’, *разбираться как сом в Библии*,

растениями (осокой, вязом, репейником, колючкой, вербой): *верба вербой* ‘о чрезмерно худом человеке’; неодушевленными предметами (столбом, торбой, кадушкой): *банная кадушка* ‘о толстом человеке’, *верстовой столб* ‘о человеке высокого роста’; мифологическими существами (лешим, чертом): *как черт на воздухе* ‘о человеке, который быстро двигается’. Таким образом, в процесс сравнения вовлечена большая часть общеупотребительной лексики диалекта.

Человек глупый, несообразительный в донском казачьем диалекте имеет следующие наименования: *как пень*, *как полено*, *как чучкарь*, *как чучмек*, *головам как капумста* (у кого-либо). Человека крайне глупого, ничего не понимающего наделяют сравнениями: *как обух*, *как шабалок*, *как сибирский валежок*.

В донском диалекте нами зафиксирован лишь один сравнительный оборот, характеризующий умного человека: *как у Адама голова* ‘очень сообразительный, умный’. Это объясняется тем, что человек умный, неглупый обычно не выступает объектом сравнительной номинации, т.к. представляет собой норму, ничем не выделяется из множества себе подобных.

Однако среди фразем, не являющихся сравнительными оборотами, можно выделить большее количество диалектных единиц, номинирующих умного человека: *куфилка варит* ‘кто-либо умен, сообразителен’ (*Куфилка варит – значит очинь умный*); *калган варит (вбрит)* ‘кто-либо хорошо соображает, понимает’ (*Калган если варить, значить умный*); *с умом* ‘умный, рассудительный’.

Л.Г. Бойко говорит об определенной системе образов-эталонов, сложившихся в языковой картине мира русского человека и отражающих его ценностные представления об окружающей действительности. Под *эталон* понимается «точный образец установленной единицы измерения; мерило, стандарт, образец для сравнения с чем-либо» [2, с. 10]. Эталонами глупости, тупости в устойчивых сравнениях русского языка являются *осел*, *дуб*, *пешка*, *гусь*, *жираф*. В донском казачьем диалекте в качестве образов-эталонов, характеризующих тупого человека, употребляются наименования реальных растительного мира – названия деревьев и их частей, отличающихся особой прочностью, твердостью и неспособностью к активному восприятию внешних воздействий: *пень* (*Тупой паринь*, *сафсем как пень*), *полено* («*Ну ты как палено*», – *так пра тупова скажуть*).

Лексема *валежок* помимо основного литературного значения (‘зимние теплые сапоги,

свалянные из шерсти) имеет в говорах дополнительное ('о том, кто очень глуп, несообразителен, ничего не понимает, не соображает'). Можно предположить, что переосмысление значения происходит на основе внешнего вида и технических особенностей качества предмета: тупой, закругленный нос обуви, негнушеся и от этого неудобное голенище соотносят с человеком глупым, несообразительным (*Тупой как сибирский валинак*). Сравнение тупого человека с *обухом* также можно объяснить внешними свойствами предмета, значением: *обух* – 'тупая, противоположная лезвию сторона острого орудия' (обычно топора).

Ассоциативные связи для негативной характеристики человека могут формироваться на основе наименований не только вещей, отличающихся определенными качествами, но и предметов, пользуясь которыми человек осуществляет однообразные повторяющиеся движения. Например, лексема *толкушка* в донском диалекте имеет следующие значения: 1) 'деревянная миска, в которой толкут что-либо' (*Малинькая скалачка есть к толкушки. У ней толкуть сала с лучком, чеснок с солью*); 2) 'деревянный пест для измельчения вареного картофеля' (*Талкеш картошку толкушкой*). От первоначального значения 'толкушка как предмет' появляется дополнительное, метафорическое 'непонятливый, бестолковый человек' (*Толкушка ты бутавая: целый час гаварю, а ты никак в ум ни вазьмеш*).

Сравнение глупого человека с *чучмеком*, *турком* позволяет предположить, что носитель другого языка может плохо понимать русскую речь или не понимать ее совсем. Для того, чтобы иностранец понял что-либо, будет необходимо долго объяснять, доказывать, показывать. Кроме того, человек «чужой», «не свой», не относящийся к казакам, обычно враждебно воспринимался казаками, поэтому изначально характеризовался как недалекий, туповатый.

В качестве эталона – основания для сравнения – умного, мудрого человека в русском литературном языке выступает образ совы. В донском казачьем диалекте такие единицы не зафиксированы.

Центральное место в семантической структуре сравнительных оборотов занимает коннотация, т.к. она отражает ассоциативно-образные представления отдельного языкового коллектива о тех или иных реалиях действительности, содержит культурно маркированную информацию о рассматриваемом явлении. В современных исследованиях коннотации могут пониматься как любая дополнительная информация о ситуации и участ-

никах акта общения, их отношении друг к другу и предмету речи, как новые дополнительные компоненты содержания слов. Например, лексическая единица *дурак* в донских говорах может дополняться следующими характеристиками: *гольный дурак*, *дурак без примесу*, *дурак по самое некуда*, *дурак ширый*, *нагольный дурак*. Данные фразеологические единицы характеризуют не просто глупого, а очень глупого, тупого, несообразительного человека.

Культурное своеобразие устойчивых сравнений определяется *эмотивностью* и *оценочностью*, т.к. эмоция и оценка, реализуясь в семантике языкового знака, являются обязательными компонентами культурной коннотации. При этом оба компонента составляют единое значение, поскольку оценка «впитывает» соответствующую эмоцию. Под оценочностью мы понимаем заложенную в слове положительную или отрицательную характеристику человека, предмета, явления. Оценочные устойчивые сравнения обладают ярко выраженной антропоцентричностью: в центре оценки стоит человек – как субъект оценивающий и как субъект оцениваемый. Оценка в этом смысле носит субъективный характер, она служит для выражения субъективного отношения носителя языка к кому- или чему-либо независимо от объективных свойств предмета, объекта оценки и субъективно им применяется [3, с. 217].

Рассмотренный нами материал представляет собой группу эмоционально-оценочных единиц, в которых указание на ту или иную характеристику сопровождается презентацией эмоций, оценок, чувств, при этом зачастую имеющих оттенок неодобрения, порицания: *пенек с глазами* (*Ничаво он ня хочить делатъ; сидит дома, пинек з глазами*); *пешка пешкой* (*Он тупой, ну проста пешка пешкой*); *добрина человек* (*Дабрина чилавек – эта глупой чилавек, каторый ничаво ни панимаитъ*). Данные устойчивые сравнения употреблялись и употребляются среди донских казаков. При этом большинство сравнительных конструкций функционируют только в донском диалекте.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. М. : ООО «Рус. словари»: ООО «Изд-во "Астрель"»: ООО «Изд-во АСТ», 2003.
2. Бойко Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
3. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества : моногр. Волгоград : Перемена, 2003.

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987.

5. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой; авт.-сост. Е.В. Брыкина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун. Волгоград : ВГИПК РО, 2006–2009.

6. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 173–204.

7. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка // Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М., 1974.

Stable comparisons as the means of characterization of person's mental faculties in Don dialects

There are analyzed the characteristics of person's mental faculties reflected in stable comparisons in Don Cossacks dialects.

Key words: *stable comparisons, phraseological units, lingual world picture, mental faculties, Don Cossack dialect.*

М.С. КРАПИВИНА
(Волгоград)

СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РЫБОЛОВСТВО» В ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОВОРАХ

Рассматривается лексико-семантическое поле «Рыболовство» в донском казачьем диалекте, представляющее собой совокупность лексических единиц, объединенных общим семантическим компонентом «рыболовство». Показаны базовые признаки данного поля, основанные на его структурных составляющих.

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле, микрополе, структура поля, рыболовецкая лексика, донские говоры.*

В последнее время возрос интерес исследователей к изучению лексики, характеризующей рыболовецкий промысел как в литературном языке, так и в диалектах. Проблематика работ отличается разнообразием, достаточ-

но обозначить некоторые из них: генетические связи рыболовецкой лексики говоров с литературным языком [7], ономаσιологические особенности рыболовецкой лексики [2], этимология рыболовецкой лексики [4], семантико-структурные особенности рыболовецкой лексики [9] и др.

С развитием общества, под влиянием научно-технического прогресса на смену старым орудиям лова приходят новые, меняется способ вываживания рыбы, появляется множество современных вспомогательных рыболовецких приспособлений. Вместе с этим изменяется и лексика рыбаков, исчезают слова, номинирующие неактуальные в настоящее время рыболовные снаряды, поэтому сбор данной лексики, ее анализ важны не только для диалектологов, но и для этнографов.

Исследовательский интерес к донской диалектной лексике, номинирующей и характеризующей рыболовецкую деятельность, определяется следующими обстоятельствами: во-первых, этот пласт лексики тесно связан с практической и духовной жизнью человека, поэтому его изучение приближает исследователя к пониманию особенностей культурно-исторического развития казачьего субэтноса; во-вторых, описание данной лексики в виде лексико-семантического поля (ЛСП) позволяет наиболее полно представить лексическое богатство диалекта (состав и структурно-семантические характеристики диалектной лексики, особенности системных отношений и др.).

Обращение к полевому подходу призвано решить одну из важнейших задач работы: определить состав лексических единиц, относящихся к рыболовству как разделу промысловой культуры донского казачества, путем распределения лексических единиц по микрополям.

В данной статье рассматриваются некоторые признаки ЛСП «Рыболовство», выявленные после его построения. Прежде всего отметим, что общепринятого определения ЛСП нет: “Field-theory has a long tradition in European linguistics <...> the terminology is extremely confusing” [10, с. 167]. Под лексико-семантическим полем в рамках данной статьи понимается «система лексических единиц, иерархически организованная по принципу “центр – периферия”, состоящая из более элементарных лексических объединений и обладающая сложной конфигурацией, характеризующаяся наличием отноше-